

НАДЕЖДА

Слушаю музыку службы пасхальной.
Светлый, торжественный близится миг:
Должен огонь из обители тайной
Вынести важный, сановный старик.

Ждут прихожане чудесной минуты,
Но, что касается лично меня,
Чутьочку боязно мне почему-то:
Вдруг, этой ночью не будет огня?

Вдруг, не подарит Господь нам надежды
И, разуверившись в чадах земных,
Ввергнет всех нас, неразумных, мятежных
В сумрак и холод ветров ледяных?

Страшно. Но чудо, однако, случилось:
Вышел старик, и заветным огнём
Тысячи, тысячи лиц озарились!
Вспыхнула искра и в сердце моём.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Золотится исподволь шиповник
И плоды оранжевые прячет.
Возле покосившейся часовни
Пьяный мужичок негромко плачет...

Ныне солнце всех озолотило,
Не проникло только в гущу елей,
А без света им совсем уныло;
Днесь и птицы к югу полетели.

Доброе сегодня воскресенье:
Хлопочу по дому Бога ради
В тишине и умиротворенье.
Лишь ладоням некого погладить...

Волей Вышнею крепнет деревце,
А под ним растёт мой цветок.
Повелел Господь жить-надеяться,
Что положено — станет в срок.

С солнцем видеться меньше сотни лет
Мне назначено в первый день,
Деревцу годков вышло — счёту нет,
А цветку цвести лето лень.

Положил мне Бог в долю сто дорог,
Деревцу — одну, к небесам,
О цветке моём не поведал Бог, —
Отнесу цветок к образам.

В церковке заброшенной не служат,
Но она ещё как будто ждёт,
Что переболеет, отнедужит
И вернётся к Господу народ.

Покосилась маковка пустая,
Словно застыдилась без крестка,
И всплакнула женщина простая
В краешек сиротского платка;

Горько ей и жаль по-стариковски
Нищих и растерянных крестьян,
И скрипят разохшиеся доски,
И шуршит разросшийся бурьян,

Словно слышен шепоток молитвы
За своих изверившихся чад:
«Господи, благой и терпеливый,
Обрати на нас свой светлый взгляд».

МЕЧТА

В маленькой келье под крышей, в ночи
Ждёт меня малый огарок свечи,
Книга, перо на дощатом столе,
Слабые блики в остывшей золе,

Ждёт меня кружка и чёрствый ломоть,
Тень на стене, как иссохшая плоть...
В маленькой келье, видений полны,
Ждут меня самые светлые сны.

Закат печален на излёте лет:
Я день жалею, а меня он — нет.
Он на прощанье, над моим плечом
По волосам легко ведёт лучом,
О нашем расставанье не жалея, —
Ещё на день мои года пустеют.
Играло солнце в каждом волоске
Вчера. Сегодня - пепел на виске.

Ещё одна потеря. Легче жить,
Когда уже оплаканы иные,
Любившие, любимые, родные,
А тем, кто есть, не стоит дорожить...

Вся жизнь моя теперь — октябрьский лес:
Он пуст и смотрит в вышину небес.

ЗАВАЛИНКА

На завалинке старушки
Тесной стайкой собрались
Посудачить, спеть частушки
Про смешную нашу жизнь.

Что ж, послушаем, ребята,
Не для злобы, в интерес,
С чем старушечья плеяда
Собралась на свой конгресс.

Вот закончилась частушка
С крепкой русской солонцой,
Говорит одна старушка,
Та, что справа, с хитрецей:

«Может, хватит нам, девчонки,
Всё язвить про мужиков?
Изъязвили все печёнки.
Ну-ка, грянем про любовь!»

Ну и грянули разочек,
Следом грянули другой.
Та поправила платочек,
Эта топнула ногой,

А у той, гляди-ко: щёчки
Запылали (маков цвет)!
Ой, вы, быстрые годочки;
Сколько тех осталось лет!

Снова в наших краях журавли.
Моё сердце встревоженной птицей
Бьётся в клетке, на волю стремится,
В надтаёжной услышав дали

Неприкаянных странников стон,
Переключку усталую жалоб.
Я за ними сквозь чащу бежала б
На высокий наветренный склон,

Заплескала бы крыльями рук,
Смело ветру доверила тело,
Взмыла вверх и легко полетела
На далёкий, стихающий звук.

РОДИНА

Она милее мне сейчас
Издалека, из-за туманов.
Не родина теряет нас,
Л мы — её, среди обманов:

Летим на поиски, трубя
О рае, о любви, о воле,
За журавлём, за ветром в июле,
Пытаясь обрести себя.

И может даже обретём,
Но вдруг в преддверии исхода
Поймём, что рай, любовь, свобода -
Песчаный замок под дождём.

Все обретения — песок
Иль прах (зовите чем угодно),
Как неприютно я свободна
Среди исхоженных дорог!..

Во льнах, у дедова колодца
Я как никто сказать могу:
Нет на далёком берегу
Того, что дома не найдётся.

**НА ВЫСТАВКЕ
НАРОДНОГО ИСКУССТВА**

Журавли над лубочной Россией,
Вдаль глядящей, ладонь козырьком,
Над рекой простодушною, синей,
Над наивно-зелёным леском.

Немудрёные вроде просторы,
Но не вскину насмешливо бровь:
Здесь такие рождались узоры,
И пейзажи — таких мастеров!

Над озёрной невинностью Гжели,
Над медовой жарой Хохломы,
Кружевной Вологодской метелью,
Аметистом Уральской зимы

Пролетает журавушек стая.
Пусть наивен лубочный сюжет,
Это с виду Россия простая,
А над кем не простёрт её свет?

ДОМА

Средь холмов, где притихли озёра
В просмолённой сосновой тайге,
Хорошо бы в вечернюю пору
Прогуляться вдвоём налегке,

Любоваться, как в солнце закатном
Раскалилась сосновая медь;
На шершавом стволе красноватом
Так и хочется руки согреть.

Заструился туман по озёрам,
Поклоняясь вечерней звезде;
Мы с тобой побежим косогором
Искупаться в туманной воде.

До чего же пугливые ночи:
Только смерклось — и тут же рассвет!
Видно, солнце отсюда не хочет
Уходить на другой континент.

Мы вернёмся на зорьке, вдыхая
Быстротечный, прохладный покой.
Безмятежные радости рая
Здесь повсюду у нас под рукой.

ПСКОВ

Высокой крепостной стеною
Сутулый опоясан холм,
Двух рек задумчивой волною
Омыт. То — сердце Пскова, Кром.
Здесь, серебром небес политый,
Всем далям и ветрам открытый,
Крестами осенив простор,
Воздвигнут Троицкий собор;
Вознёся вровень с облаками
Плечистый, белый исполин,
Не опрокинутый веками,
Врагами, властью, кошельками, —
Людьми и Господом храним.

Когда по северным дорогам
Я возвращалась в древний Псков, —
Как витязь в облаченье строгом
Над частоколом сосняков
Царил собор. Едва мираж,
Почти игра воображенья,
Сиял, как вышнее виденье,
Как неподкупный Божий страж.

Любила я ходить на Кром,
Гуляла, думала о том,
Что знают, помнят эти стены,
О чём могла бы рассказать
Могучих плит любая пядь
Под гул набатный, вдохновенный.

Они в пластах воспоминаний
Средь сотен лет, событий, лиц
Хранят, быть может, август давний
В тревожных сполохах зарниц,
Когда на Русь пришёл бедою
И осадил Баторий Псков,
Но сам сражён был красотою
Его несметных куполов'.

... И осадил Баторий Псков, но сам сражён был красотою его несметных куполов — Стефан Баторий, польский король. Осадил Псков в 1581г. Поляки были поражены величиной города, мощью его укреплений и красотой, **Сравнивали С Парижем.**

Сколь тщился шляхтич величавый,
Он на Руси не добыл славы
И к февралю оставил Псков,
Святой не одолев покров...

У русских что ни подвиг — храм,
Помин на будущее — нам.
А мы стремимся в перемены,
Зачем нам то, что помнят стены.
Великим словом в добрый час
Потомки помянут ли нас?

ПОРТРЕТ Н.Н.П.

В который раз моя рука
Портрет в стихах писать дерзает,
Но что воспеть в тебе, не знает
Моё желание пока.

Гляжу на тонкие черты:
Что в этом взгляде скрыла ты,
И в повороте головы
Что утаила от молвы?

Хранит ли профиль тень кокетства
Или сердечную печаль
Вдовы, чуть вышедшей из детства?
Или в раздумье, глядя вдаль,

Ты пару слов вдруг обронила,
Л я искала их давно
Во всех твоих портретах, но
Нигде, ни в чём не находила?

Была ли жизнь твоя проста,
Вдова печально молодая?
Какою тайной обладая,
Ты сжала тонкие уста?

Ни полстроки в ночной тиши
Я не взяла у этой тайны;
Не пой, желанье, не спеши,
Чтоб образ не разбить случайно.

НОСТАЛЬГИЯ

Я растерялась, словно ветер
Меня на атомы раздул,
Разнёс на сто дорожных петель,
Оставив от меня лишь гул.

Теперь в морях была степного
Я — дальний бесприютный вой.
А где мне взять тепла родного,
А где мне снова стать собой?

Когда закончатся порывы
По всей земле, во все края,
На берег опущусь счастливый -
То будет родина моя,

Где мне сложиться воедино,
Где поднимать своих детей;
Там жить — судьба, а не судьбина,
Там ветер лишь слуга вестей.

У ЗЕРКАЛА

Возвратиться в былое непросто.
В мамин домик, в объятья двора
Я ступила чрез годы и вёрсты,
Так, как будто бы вышла вчера,

Точно в молодость разом вернулась
Из сегодняшнего далека.
Лишь из зеркала, словно проснулась,
Смотрит женщина лет сорока,

Удивляется. Что удивляться?
Перемена во мне велика?
Я должна отразиться на двадцать,
Ни седого чтоб мне волоска?

Странно видеть свои мне морщины,
Я ведь юной когда-то ушла.
Отразив перемену картины,
Изучают меня зеркала.

Повернусь к отраженью спиною —
И опять я - девчонка почти!
Чтоб всегда оставаться собою,
Зеркала оставляй позади.

РАВНОДУШИЕ

Заборы вдоль улиц, стеной заборы.
Ключи в замках клацают, как затворы.
Прицелами скважин берут на мушку:
А вдруг вон та нищая ждёт полушку,
Вдруг вымолит хлебушка вражья дочь?
Нас дома нет, милочка. Шла б ты прочь!

На север тянет, в бледные рассветы,
А жизнь вокруг всё гуще, всё занятней,
И медлю я с покупкою билета,
И становлюсь в решеньях деликатней.

В несчётный раз стремлюсь за преходящим,
За суетным и поблазнившим всеу,
Но об отъезде думаю всё чаще
И о просторах северных тоскую.

Который день я не в ладах с собою,
Который год на прежнем круге начат,
А где-то под Полярною звездою
Ветра и птицы обо мне судачат.

БАБУШКА

Костисты, помню, её запястья
И вены — синие провода.
Господь был скуп на земное счастье,
Зато был щедрым на соль труда.

Косарь старушка была отменный,
В деревне мало кто так же мог.
Надев на платье жилет толстенный,
Она обкашивала ложок.

Рядками на бок ложились травы,
Тянулся ровный медвяный след;
Работа с видимостью забавы
Далась надсадой прожитых лет.

Поодаль я на траве сидела,
В живой, стрекочущей тишине
Коса на взмахе чуть-чуть звенела -
Так почему-то казалось мне.

ИЗБОРСК

Встыла старинная крепость
В гущу дворов-коробков
И оттенила нелепость
Их суетливых мирков.

Слышится звон колокольный,
Старый и мудрый набат.
Медленно люд богомольный
Двигается сквозь снегопад

Вверх по щебнистой дороге
К церкви, как будто в полон,
Всходят размеренно-долго:
Каждому шагу — поклон.

А за стеной крепостною
Скрыл участвовавший снег
Кладбище в вечном покое,
Озеро в праведном сне.

В ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Забывтый край, осиротевший дом.
Здесь было всё, что мне вдохнуло душу:
Букеты льна, который рвёшь с трудом,
И лес, в котором сызмальства не трушу,

Валок недавно скошенной травы,
Окутанный прощальным ароматом,
Осенний сад, уставший от листвы,
И жёлтый плёс за ближним перекастом.

Здесь ржали кони, грузовик пыхтел,
Был слышен зычный покрик бригадирши.
Крапива лишь теперь да чистотел
Глядят из срубов, уронивших крыши.

И тихо всё. И сгорбились дома,
Из тына накрест вывалились жерди.
Один лишь сад замшелый вдоль холма
Весь в поросли, не нужный даже смерти.

Скрипят тоскливо ветви ли, душа ль,
Вдоль улиц ветер смерчиком пылится.
Вернуть бы всё. На то себя не жаль.
Вернуть бы всё — и в этом раствориться.

ОТЕЦ

Сидит Павлиныч, словно знак вопроса,
На низенькой скамейке. Между тем,
Давно погасла в пальцах папироса
И с ней - охота к обсуждению тем.

Нет веры в пыл политиков у власти,
Понятен до глубин мирской уклад,
Притворные несносны телестрасти.
Старик теперь лишь зорям тихо рад:

Приметив чутко всяческую малость,
Весь день грядущий может предсказать,
По-философски принимает старость, —
А как её прикажешь принимать?

Задумался, ушёл в себя, и словно
Взгляд в размышленья окунул свои.
Молчу и я. Прошу его безмолвно:
Живи, Павлиныч, родненький, живи.

О Правде — ни слова!
О Правде молчат.
О Правде на лавочках не верещат.
В душе нараспашку нет Правды, не лги;
В душе нараспашку одни сквозняки.
Ни в том, что на бранный попало язык,
Ни в том, что восторженно пишут в дневник
Нет Правды! Ни слова...
О Правде молчат...

ожные думы

[17]

[12]

... ..
... ..
... ..
... ..

Слагает песнь гуляка-ветер,
Резвясь в распятых парусах,
Об островах, о небесах,
О тех, кого под ними встретил;

О кущах мангровых вдоль рек,
О синих грядах гор Каскадных,
О таитянках шоколадных,
Не знающих, что где-то снег

Лежит на скалах и в лощинах,
О белых, словно снег, мужчинах,
Бегущих от своих семей
За блеском призрачным камней.

Но таитянки, божьи дети,
Не видят красоты камней
Что лучше белых орхидей
Украсить может плечи эти?..

Пой, ветер, пой, когда-нибудь
Я тоже полечу с тобою
И много разных стран открою,
А ты указывай мне путь.

УЕХАЛА.

Похоже, дальность расстояния
Решает тысячу задач:
Уходит тяжесть ожидания
И неуверенность «хоть плачь»,

Из грустных мыслей строчки выросли,
Исчезла боль из кратких снов,
Вдруг стало так, как будто синули
С души тревог сто коробов.

И стало так, как будто вымели
Сор подозрений и обид.
Издалека зову по имени —
И сердце больше не болит.

ДОРОЖНОЕ

Опрометью мчат леса из Пскова,
Им навстречу . . . поезд из Москвы,
И рябят в окошке бестолково
Шпалы, камни и пучки травы.

Провода электропередачи
Сходу налетают на столбы,
Отбегают к станциям и дачам,
Утомясь от гоночной борьбы.

Не сбиваясь с рельсового такта,
Во всю прыть несётся мой вагон,
Словно проскочить в просвет заката
Под осевшим небом хочет он.

ТЯНЬ - ШАНЬ

Искрится пик высоких гор,
Его подножие — в тумане,
Как будто между облаками
Тугой раскинулся шатёр.

Спит светлоокая Челдыз¹
В шатре высоком, островерхом,
И, отороченные мехом,
С одра покровы вьются вниз.

Дня голубая органза
Искрится пылью золотою,
Но чуть стемнеет под грядою, —
Откроет Звёздочка глаза,

Омоет лучезарный лик
В священной чаше Иссык-Куля
И, гор шатры легко минуя,
Украсит предвечерний миг.

— звезда (кирг.)

ПОД КРЫШЕЙ БАШНИ

Рукой здесь достанешь созвездье Плеяд
И нить голубых побережий,
Но ангелы в башню нечасто глядят,
А чайки, пожалуй, и реже.

Здесь зимами что-то стонало, звало,
Простудно скрипели стропила,
А летом подолгу держалось тепло,
И солнце окошки слепило.

Играли свирели ночных сквозняков,
И звёзды кружились как рой мотыльков.

МИМОЛЁТНОЕ

О, я хотела бы ладонью
По вашей провести щеке.
Мы вместе ехали в вагоне,
И вот сошли вы налегке.

Так, будто вовсе не устали
От нескончаемой езды.
Увидимся ль ещё? Едва ли:
Меж нами — вёрсты и мосты...

Зачем я помню, как **сходили**
В заросшем соснами краю?
Не став моим, уже вы — были.
Проездом через жизнь мою.

НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Мне бы в вагоне скорого
Двинуться в дальний путь:
Думать в вагоне здорово
И хорошо уснуть.

Из чернозёмной области
К тем берегам мой путь,
Где океаньи лопасти
Землю дубасят в грудь.

Пусть мне вагоны выстучат
Мудро простую песнь;
Сердце под стуки высочит
Всю городскую спесь.

Вытеснив сожаления,
В дрожкую качку сна
Вхлынет волной видение -
Дальняя сторона,

Та, где столбы точёные
Вздыбил базальт к ветрам,
Брызги в лицо солёные -
Лучший душе бальзам...

Вот бы в вагоне скорого
В дальний пуститься путь,
Из областного города
К краю земли махнуть.

АЗИАТСКОЙ ЛУНЕ

Ты — глиняное блюдо
С шафрановым узором,
Подброшенное в небо
шалуньей чернокозой.

И за тобой подспудно
Следят, полны задором,
Ивовые листочки
очей её раскосых.

МОИСЕЙ

Великий Микеланджело ваял
Надгробие для Юлия Второго
(Прославленного в мраморе святого
Могучим Моисеем Рим назвал).
Закончил кропотливый труд ваятель,
Придирчиво работу осмотрел,
Потёр ладони, словно отогрел
(Так мир творил, наверное, Создатель).
Впитав тепло ваятелевых рук,
Уж статуя почти жила, дышала;
Чуть-чуть — и колыхнётся покрывало,
Мгновение — и грянет первый звук.
Но скульптор сам затеял разговор,
О чём-то вопрошая Моисея,
И слушал Моисей, прервать не смея,
Почтительно не поднимая взор.
Увы, искристый мрамор исполина
Не камень мостовой, но всё едино -
Молчит. И скульптор, осердясь, пробил
Наотмашь Моисеево колено,
Но принял исполин и боль смиренно
От рук того, кого боготворил...
 Уж минуло с тех пор четыре века.
 Пережило творенье человека
 И с памятной шербиной на колене
 Шлёт Господу вседневное моление.

Дряхлеет славный Парфенон.
Злорадно и подобострастно
Змеится ветер меж колонн.
Он шепчет вкрадчиво, но властно:
«Ты мой, о, Парфенон, ты — мой.
И лишь Истории одной
Я уступлю тебя, дружище,
А там Забвение отыщет
К тебе тропу. Из гордой были
Ты превратишься в груды пыли —
Такой же, под ноги взгляни.
О, я увижу эти дни!
Прощай пока что, Парфенон».
И ветер тихо выполз вон.

В лиловых сумерках Эллады
Стоял безмолвно храм пустой.
Держали неба свод ночной
Колонн ребристые громады.
Он помнит живо, горячо,
Что тоже вечен был и светел —
Так верил он, но всё течёт,
Всё — пыль, похожая на пепел.

БЕЖЕНКА

В потоке суетном, людском
Сидела женщина, платком
Скрывая пол-лица.

Младенца в грязных ползунках
Она держала на руках
У тёмного сосца.

Жарой, бедой истомлена,
В каких годах была она -
Сказать я не берусь.

Ей редко кто-то подавал -
Наш мир её не признавал:
У горя горький вкус.

НАЧАЛО

Красный песок наметает в барханы
Ветер планеты моей бездыханной.

Смерчи юлят по ребристым холмам,
В скалах по бурым шуршат валунам.

Ходят багровые луны в дозор
Между зазубрин причудливых гор.

Узких каньонов кромешная мгла
Вверх выдыхает дымов купола.

Где в этом мире, в цепочке времён
Случай мгновенный и вечный закон

Сложатся вместе, и чудо свершится:
Жизнь неприметным ростком зародится

Редкие встречи

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Осень нынче особая, с норовом;
Не прощает неожиданной тоски.
Ветер вырвал листочек кленовый,
Словно счастье из слабой руки.

Было счастье — и вот уже нет его.
Жму у горла рукой воротник.
Прежде мне и желать было нечего,
Ах, откуда ж ты только возник,

Вдруг ворвался с осенними листьями
В мою душу, как ветер в окно,
И не веришь в круженье неистовом
В то, что холодно мне и темно.

В Городе Покинутых весна;
Солнце безмятежное лучится,
Кажется, что все знакомы лица.
Вот я снова здесь. И не одна.

Бережно держу свою мечту
За худую тёплую ручонку:
Памятник показывать веду
На тебя похожую девчонку.

Помню, мы с тобой, обнявшись, шли
Вот такой же радостной весною.
И сейчас, едва глаза закрою, —
Рядом ты из солнечной пыли,

Чувствую и взгляд твой, и улыбку,
И ладони давнее тепло.
Где-то допустили мы ошибку?
Я не знаю. Было и прошло.

Только жизнь — не талая водица,
Как ты это время ни зови.
Я себе оставила частицу
Нашей неоконченной любви.

Гы, конечно, сразу бы заметил:
У неё такой же грустный взгляд,
Но прозрачен и по-детски светел.
Если б ты нас встретил, был бы рад?

Только лучше, если не узнаешь,
Мы с ней здесь всего-то на три дня.
Вдруг ты счастлив? Вдруг сейчас встречаешь
Не дочурку нашу, не меня.

О ЛЮБВИ

1

Трель телефона слышу я во сне,
И голос из непостижимых далей,
Повинный в большинстве моих печалей,
«Я пью за Вас», — сказал из трубки мне

Вы вспомнили меня в счастливый час
И пожалели о неполном счастье;
Меня вам не хватает лишь отчасти,
А я минуты не живу без вас.

Вы дразните судьбу, а я — молюсь
За вас, когда гляжу с моста на воду,
И у огня, продрогну в непогоду,
И в сумерках, когда не отзовусь...

Проснётся солнце. По лучам его
Дни, грохоча, помчатся поездами,
Вновь провода порвутся между нами,
Но это не меняет ничего.

2

Мучительно боюсь тебя коснуться:
А вдруг прорвутся чувства напролом?
Стою, смотрю, пытаюсь улыбнуться,
А ты — напротив, словно за стеклом.

Проклятое стекло. Взять да и треснуть,
Осколки вихрем закружить тугим...
Беда, что с ними суждено исчезнуть
Всему, что прежде было дорогим.

3

Мне снился сон: твои коснулись пальцы
Моей руки, повис немой вопрос,
И я должна на что-нибудь решаться,
Но не могу сглотнуть комок из слёз.

Тоскливый сон. Но данность безнадежней
Стучит в висках, как на море прибой:
Ответив «да», я не смогу быть прежней,
Но буду ли тогда в ладу с собой?

Отвечу «нет». Достоинно, мудро, честно.
Но чувствую, покой не полюбя,
В душе никем не занятое место
Как эхо будет окликать тебя.

ПЕСНЯ

Осыпается таволга
В ключевую струю,
Мы расстались ненадолго,
А всего на июль.

Распорхнулись деньки-стрижи,
Промелькнули — и нет,
И до встречи с тобою жить
Оставалось — рассвет...

Осыпается таволга,
Моет кудри ветла,
Сладко тает во рту ирга,
Словно тоже ждала.

Птицей вскрикнул экспресс-июль,
Пролетел — не сдержать,
И надежду унёс мою:
Больше некого ждать.

Последние листья
С ветвей облетели.
Последние тёплые дни.
А двое в аллее,
Обнявшись, сидели,
Похоже, прощались они.

О, если бы знать,
Что дороги и время
Вернут им друг друга опять,
Последних свиданий
Безмолвное бремя
Им было бы легче принять.

Дожди ведь не слёзы,
Им проще пролиться,
Но Боже пока сохрани.
С ветвей облетели
Последние листья,
Кончаются тёплые дни.

Г.Ф.

Ничего не пиши обо мне.
Пусть останусь в душевных глубинах,
В строфах не прозвучу соловьиных,
Сохрани, словно жемчуг на дне.

Пусть не вынесет с плеском волна
Ничего, что обоим нам мило.
Да затянется жемчуг мой илом,
Если стану тебе не нужна.

Притихла осень, божия невеста,
Лучится нимб над пёстрой хохломой,
Разбрызгивая щедрый свет окрестно,
А я сквозь парк одна иду домой.

Он поредел, раздвинулся, стал гулок,
Мерцают листья жертвенным огнём,
Тенистый прежде, посветлел проулок,
Когда-то мы с тобой расстались в нём.

Я главных слов не отыскала сразу
И долго всё решала, почему.
Но и теперь сказала б только фразу
Тебе — так вышло — тоже одному.

Иду как будто к первому причастью
В конец аллеи, в голубой проём.
Вчера мне дочка говорила: счастье -
Это когда мы были здесь втроём...

Редкие встречи, сплошные вопросы,
Самый нелёгкий — зачем?
Дни как лавины летят под откосы,
Не остановишь ничем.

Так и не знаем с тобой друг о друге
Главного. Некогда знать.
Не успеваем. И сцеплены руки,
Чтобы разжаться опять.

Кружат дела, сокрушая надежды,
Свергнув их вниз, как снега.
Может, расскажешь хоть в шутку, небреж
Чем я тебе дорога?

ДРУГОЙ

Не моя судьба стучится в двери
(Я давно нашла судьбу свою).
Только гостя за дверьми не верит,
Что я с нею песню не спою.

Прочь, чужачка, скатертью дорога.
Я тебе — одна слепая блажь,
С чем и будет сладко да недолго,
С кем разрушишь больше, чем создашь.

Всё ей ясно, но она без гнева
Песнь заводит, о любви молясь.
Слушаю печальные напевы,
Лбом к закрытой двери прислонясь.

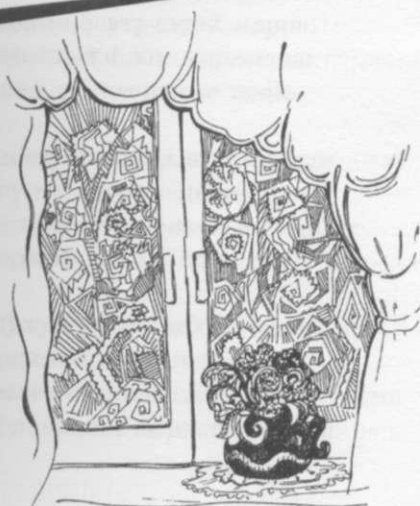
КРАДЕНАЯ ЛЮБОВЬ

О, если бы, не разнимая рук,
С тобою к солнцу выйти, не смущаясь,
Не пряча стыд, поддержкой заручаясь
Ночей и штор, глушащих луч и звук.

Что было нужно мне? Искус? Обновка?
Игра судьбы или игра с судьбой?
Я у самой себя теперь воровка
И лицедейка — для себя самой,

Но и игрою тешусь я негодной:
Не верю в счастье на двоих с тобой.
Любовь меня не сделала свободной,
Хоть я и прежде не была рабой.

В окне

ВЕСНА

Какое солнце во дворе!
И свет его мне кажется звенящим,
Ни полутона грусти не таящим,
Он — гимн капельно-ветренной поре
Дрожат на ряби мутных ручейков
Монеты солнца, яркие до боли,
И щурится прохожий против воли,
Глядя на россыпь этих пятаков.
Полотна снега в поле мокнут, мнутся
Темнеют, истончаются и рвутся;
Мазками в небе сохнут облака.
Весна, как шёлк, прозрачна и легка.

Ноябрь. И прибрана земля.
Подстыли колени дороги,
Перечеркнувшей холм пологий,
Сухим быльём шуршат поля.

Дышу в озябнувшие руки,
Плат поправляю на висках,
А зонтики пастушьей сумки
Дрожат на ломких стебельках.

Застыв, природа сжала губы,
Простившись с птицами без слёз,
Лишь ветер жалко воет в трубы
И гнёт ракиты под откос.

ЛУНА

Изменчив облик твой во мгле,
В движенье вечною дорогою.
Я каждый вечер на стекле
Тебя легко ладонью трогаю.

И в свете, взятом напрокат,
Я вижу некую таинственность:
Тебе идёт чужой наряд,
Тебе идёт твоя неискренность.

То равнодушна и бледна,
То в душу смотришь как провидица,
Богиня лживая, Луна,
Поэтов и глупцов любимица.

ГОЛОСА БОРА

Обливаясь золотом на закате,
Будто латы древние надев,
Встали сосны коренною ратью,
Гимны возглашая нараспев.

Ночь придёт — лесные старожилы
Вскинут меховые рукава,
Забормочут, загудят вполсилы
Заговор дремучего волхва.

Зашумят, прощаясь с журавлями,
Перекрестят их на долгий путь,
А потом, над снежными полями
Будут на ладони зябко дуть.

Густой, обильный мелкий дождь
Косой волною
Размыл дорогу, — не придёшь
Побыть со мною.

Умыта дочиста земля,
А небо — серо,
Льёт воду в топкие поля
Без всякой меры.

Нырнули галки в облака
Над влажным садом.
Какая мокрая тоска!
И ты — не рядом...

НАЧАЛО ОСЕНИ

Солнце, по-сентябрьски скуповато
Кое-где разбрызгав позолоту,
Глянуло с высот подслеповато
На свою недавнюю работу:

Раскраснелись яблоки на ветке,
Никнут вниз увесистые сливы,
Растянулся луч у нас в беседке,
И окно прищурилось слезливо,

Паутинка мимо проблеснула,
Словно тонкий волос Златовласки.
Нет, природа вовсе не заснула —
Замерла в предощущенье сказки.

НОЯБРЬ

Осень, осень, от бывшего злата
На твоей ладони только горсть.
Помнишь, осень, как была богата,
Всех добром дарила, что ни гость?
Весь твой клад теперь — одна гордыня-Вывала белая птица, прозрачный
Властный взгляд холодных, серых глаз
Нищенка, а всё ещё княгиня,
Та ж, но без богатства, без прикрас.
Втайне от зимы, царящей где-то,
Ты, печалась по своим дарам,
Серебра морозного браслеты
Долго примеряешь по утрам.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Летела белая птица, плетя кружева крылами,
Над дремлющею избою под вспененными
снегами.
Вывала белая птица, прозрачный
воздух колыша
Над церковкой лубяною с ажурной
высокой крышей.
дружилась белая птица над лесом
безмолвно-сонным,
Таёжную чашу грели зелёной хвоею сосны.

ПУРГА

К запорошенным равнинам
Наклонив лицо,
Небо грозным исполином
Смотрит на сельцо,

Раздувая гневно щёки,
Расправляя грудь,
Выдыхает шквал жестокий,
Хочет избы сдуть.

Закружило, застонало,
Сделалось темно,
И, накатываясь валом,
Бьётся снег окно.

И поют печные трубы
Тихие псалмы.
Жду тебя, кусаю губы,
Отгоняю сны.

Не взять с утра деревьям в толк,
Зачем их ветер рано будит.
Пустились птицы в перещёлк —
Похоже, дождика не будет.

Густы сегодня облака,
Но даже те, что прочих ниже,
Не задевают брюхом крыши:
Сегодня ноша их легка.

Ну, декабрь! Ну, беда.
Небо свисло до колена,
Серо, как от стирки пена,
День — как муть на дне пруда.

Морось, морось. Непонятно:
То ли сверху, то ль со дна,
Бесконечна, необъятна,
Неподвижна, неслышна.

Нет ни цвета, ни просвета,
Ни луча, ни ветерка.
Вот бы завтра сразу — лето;
Не зима ведь, а тоска.

Зимние сумерки, тихие, знобкие
(Светится тускло закат ночником),
Розово-блѣклые, словно бы робкие,
Свисли в деревню линиялым платком.

Избы мерцают оконцами-глазками,
Верно, пытаются дрѣму сморгнуть,
Крыши румянят закатными красками,
Снег под бока бы не прочь подоткнуть.

Скрипнула дверь как старуха суровая,
Выгнала из дому пар от борща.
Громко зевнула собака дворовая,
Пар проглотила, незлобно ропща.

Ночь настоялась в январском безветрии,
Воздух — стекло и скрипит кочаном,
Только луна, свысока, в недоверии,
Вид задышала туманным пятном.

ОКТЯБРЬ

Осень солнечно с нами прощается,
За машинами листья бегут.
В регионах уже сообщается,
Что дожди затяжные грядут.

Наша осень пока необидчива:
Тихим светом сквозь листья глядит.
Уж на что я к погоде придирчива, —
Не припомню осенних обид:

Не играет ветрами норовисто,
Не туманит слезой небосвод,
Тишь кружит по асфальту позёмисто,
Вовлекая листки в хоровод,

Воду корчит морщинками зыбкими,
То шлифует до блеска слюды,
Смех её отражается бликами
На ивовых стволах у воды.

Ивы взгляды отводят уклончиво:
В отраженье красы не найдут.
Что им ласки осенние! Кончено!
И дожди затяжные грядут.

ЯНВАРЬ

Неуступчивая осень
На второй осталась срок;
По утрам уже несносен
Знобкий, влажный холодок.

Космы сивые тумана
Скрыли сверху этажи.
Городок, проснувшись рано,
Зябнет, ёжится, дрожит.

День развесил тряпки неба
У высоток на плечах,
Был бесцветным, словно не был,
И к пяти часам зачах,

Умер, толком не родившись,
Жалок, робок и безлик.
Ходим, словно заблудившись,
Каждый сам в себе поник.

С серой улицы уносим
Хмарь и сумрак в свой мирок.
Неуступчивая осень
На второй осталась срок.

Вода не была голубой.
Оливковой — в озере в чаще лесной,
Похожем на листик ракиты весной;
Асфальтовой — в тихом, заросшем пруду,
Забывшем давно про свою красоту;
Был на море ртутным тяжёлый прибой —
Вода не была голубой!

Сиял Иссык-Куль бирюзовым кольцом,
Катунь в рукава изливалась свинцом,
Струилась Многа серебром меж камней,
Медовою отмель казалась на ней,
И омут чернел под отвесной скалой —
Вода никогда не была голубой!

Колыбельная

Спит кровиночка моя,
Сбив простынку на края,
Между арочек бровей
Отдыхает бог Морфей.
Всё дневное отмелось;
Дышит ровно, ручки врозь,
Не вспорхнут до ранних птиц
Полусолнышки ресниц.
Спит, и снов кружится рой
Над головкой золотой,
На кудряшки вокруг лица
Звёзд осыпалась пыльца.

Взволновались занавески:
Ветерок, неожиданный гость,
Расшалившийся по-детски,
Бросил в них песчинок горсть,

Вмиг раздул их куполами,
Как рубашку на скаку,
Наигравшись кружевами,
Резко вскинул к потолку,

Напоследок свил в канат
И умчался вдоль оград.

ОДУВАНЧИКИ

В Полином стаканчике
Жили одуванчики:
Два, как солнце, золотые,
Три, как облачко, седые.
Мы сегодня принесли
Зеточку сирени.
Одуванчики пришли
Вдруг в недоуменье:
«Почему нас не спросили
Почему к нам поместили
Странную соседку,
Маленькую ветку?»
Не шумите, не сердитесь,
А с соседкой подружитесь
Хватит, одуванчики,
Места всем в стаканчике.

ПРЕДЗИМЬЕ

Плачет моросью туман:
Ах, лесок-бедняжка!
Прохудившийся кафтан,
Мокрая рубашка!
Жмётся, сырый: нет листка
На костлявых клёнах,
И кряхтит от сквозняка
В поредевших кронах.
Плохо лесу. Эй, Зима!
Сапоги подбей-ка,
Вышей бисером сама
Тёплую шубейку.
Мокрый лес устало ждёт,
Износив покровы,
Скоро ль ветер принесёт
Зимние обновы?

СНЕЖИНКИ

Снег не падает — роится,
Словно дразнит, у окна,
Но приблизиться боится,
Только звездочка одна

Подплыла тихонько ближе,
Робко глянула в стекло,
Попарив в оконной нише,
Вдруг отпрянула: тепло.

Нерешительным сестрѐнкам
Рассказала всё тишком,
Вместе кинулись в сторонку
И осыпались кругом.

УТРО НА ЗАЛИВНЫХ ЛУГАХ

Меж покосов
В сизых росах
Речка точит берега,

А в тумане -
Океане
Тихо плавают стога.

Ходят кони,
Как в поклоне,
Разнотравье шевеля.

На покосах
В сизых росах
Просыпается земля.

РАССВЕТ

бледнеет ночь, ей некуда деваться;
Изгибы очертаний всё ясней,
Лоскутья мрака стали расползаться Подлапочки, заборы и репей.

Несмелоптицы подняли тревогу,
Осины тронул лёгкий ветерок,
И вотуже, сначала понемногу,
Потом всё ярче светится восток.

Пока ещё посёлок неразбужен,
Через зубчатый, тёмно-синий бор
Перелезает солнце неуклюже,
Как будто рыжий кот через забор.

СВЯТОЧНАЯ НОЧЬ

Снег ветром в ночь спирально ввинчен,
А ты без сна в окно глядишь.
О, ночь особенная нынче, —
Я расскажу тебе, малыш.

Ночь самых вещей сновидений,
Чудес, сюрпризов, волшебства,
Смешных и страшных приведений
И ворожбы, и озорства.

Сегодня запахи ванили,
Дрожжей, корицы, миндаля
Вплелись в клубы морозной пыли,
Мукой осыпавшей поля.

И с попустительства Господня
В колючих северных ветрах
Кружат кудесники сегодня
В саях, на мётлах и коврах.

Зима танцует в лунном свете,
Коньками чиркая об лёд,
И всё, чему не быть на свете,
Сегодня в ночь произойдёт.

«АНГЕЛ»

Серебряннокрылый, он держит свечу,
И свет разлился у него по плечу.

Трепещет вокруг его пламени ночь,
Пытаясь лучи огонька превозмочь,

Мохнатыми крыльями веет над ним,

Но грозен мой бдительный страж Уют защищая в домишке моём,
Он колит потёмки свечным остриём.

И пятится ночь, и удачей нет:
Спешит серафиму на помощь рассвет.

Солнце спицами-лучами
Растянуло неба зонт,
За высотными домами
Закрепив за горизонт.

Купол утра над кварталом
Поднял галок на крыло,
Светом золотисто-алым
В окнах засветил стекло.

Потянулись сонно тени
(На снегу озябли спать).
Парк в проталинах весенних
Как измятая кровать.

Туже неба полусфера,
День остатки ночи сгрёб.
Дрогну радостно от ветра.
И дышу, дышу взхлёб.

ЗНОЙ В МАЕ

Над домами, за оконцем
Зной проснулся вместе с солнцем,
Небо пламенем поджѐг:
Ну-ка, прячься, городок!

Пыль горячая клубится,
Осыпая людям лица,
Обжигая каждый вдох.
День потрескался, иссох.

Греют душные высоты
Крыши, словно сковородки,
И с небес яичный глаз
Жаром сбрызгивает нас.

Спит кровиночка моя,
Сбив простынку на края,
Между арочек бровей
Отдыхает бог Морфей.
Всё дневное отмелось;
Дышит ровно, ручки врозь,
Не вспорхнут до ранних птиц
Полусолнышки ресниц.
Спит, и снов кружится рой
Над головкой золотой,
На кудряшки вокруг лица
Звёзд осыпалась пыльца.